

ВЕРХНЕЕ ПОТИСЬЕ МЕЖДУ МОРАВИЕЙ И БОЛГАРСКИМ ЦАРСТВОМ, ИЛИ КОГО КРЕСТИЛИ СВ. КОНСТАНТИН (КИРИЛЛ) И МЕФОДИЙ НА “ЗАКАРПАТЬЕ”?

Один из основных вопросов, сформулированных в конце XIX в. рядовым сельским священником Мукачевской епархии Ю.Жатковичем перед своими современниками: “От кого и когда приняли угро-русы христианство, когда вышли с римско-католической веры?” (Жаткович, 2001, с.136), не потерял своей актуальности среди учёных-историков, а ещё больше среди не учёных и не историков до сегодняшнего дня (Кобаль, 1998, с.2-3). А между тем вопрос более чем праздный, правда сформулируем его немного по другому.

Поскольку об “угро-русах” в разных источниковедческих конфигурациях в северо-восточной части Венгрии речь может идти только с XI - XIII вв., нашим заданием будет проверить истинность широко распространённого мнения, особенно в локал-патриотической церковной и светской историографии, о прямой или косвенной христианизации славянского населения Верхнего Потисья византийскими миссионерами Константином (Кириллом) и Мефодием, а также их учениками. Но сначала попытаемся дать ответ на вопрос, что же представляла воображаемая и реальная гипотетическая миссионерская территория с её жителями во времена великоморавского и паннонского “турне” солунских братьев.

Исходя из данных археологии, большинство населения Верхнего Потисья с VI до конца IX в. составляли славяне. Вопросы, связанные с определением региональной маргинализации их расселения, численности поселений, как и, впрочем, их этнической идентификации в области Верхнего Потисья до сегодняшнего дня вызывают бурные дискуссии в учёном мире (Котигорошко, 2008, с.304-348). Широкомасштабные поисковые работы, проведённые в зонах мелиорации, позволили нанести на карту Верхнего Потисья 133 славянских поселения VIII - IX вв., локализованных устьями рек Красна, Самош и Тур на юго-востоке, Ториса и Топла - на северо-западе (Котигорошко, 2008, с.304-348). Мог ли этот слабозаселённый край, образующийся в основном из мелких селищ без каких-либо многолюдных центров-городищ (Прохненко, 2005, с.372-387; 2006, с.186-200; 2008 с.23-45) быть интересным для евангелизации византийским миссионерам, вопреки голословным утверждениям преимущественно церковных историков (Пап, 1983, с.222; Timkovič, 1996, s.53-90; Коссей, 1997, с.27-32; Hornad, 2004, s.193-198; Пронин, 2005, с.49-71; Павло, 2008, с.238; Мониц, 2008, с.5), положительно ответить не

берусь. Скорее всего - нет.

Тем не менее, начиная с известного мемориала императорского библиотекаря в Вене, словака по происхождению и венгра по национальности А.-Ф.Коллара (1749 г.) “*Humillium Promemoria de ortu, progressu et in Hungaria incolatu gentis Ruthenicae*”, направленного от имени Мукачевской епархии в Вену и в Рим, в котором сообщается, что русские (в широком понятии руські) приняли христианство от св. апостола Андрея, в IV в. уже имели своего епископа, а Кирилл и Мефодий в 867 г. проповедовали на самом деле на Руси, откуда и отправились в Моравию (Гаджега, 1924, с.1-27; Поп, 2003, с.57), непосредственное влияние Кирилла и Мефодия на принятие Христовой веры предками нынешних подкарпатских христиан впрямь стало само собой очевидным фактом, можно сказать, даже своеобразным фатумом.

Это же утверждение легло и в основу §3 “*Historica ac iuridica notitia de ucraïnis in Hungaria et de existentia Eparchiae Mukačoviensis*” (“Историко-юридического очерка украинцев в Венгрии и о существовании Мукачевской епархии”) 1767 г., направленного в Рим накануне канонического основания Мукачевской епархии (1771 г.) (*Historica ac iuridica notitia...*, 1973, p.20), ставшего одним из наиболее увесистых доказательств перед Св. Престолом. К концу XVIII в., таким образом, уже твёрдо укоренилось мнение о том, что славяне (русины и словаки) исповедовали христианство задолго до прихода в Тисо-Дунайский бассейн венгров, и что мадьярские русины имели в Паннонии свои епископства. Так считал, по мнению Й.Кобалья, автор первого опубликованного сочинения (всего на шести печатных листах) об истории угро-русов А.Дейчи (1797 г.) (Жаткович, 2001, с.136-137; Перфецкий, 2009, с.73-74). “Здесь необходимо отметить, - пишет Й.Кобаль, - что уже с XVIII в. проблема христианизации венгерских русских рассматривалась в широком контексте, а именно: Восточная (византийская) или Западная (римская) церковь имела первенство в христианизации венгров, с какого времени берёт своё начало христианство в Паннонии и т.д.” (Кобаль, 1998, с.3).

За незначительным исключением вся церковная (греко-католическая) историография XIX ст. поддерживала теорию А.Дейчи. И.Базилевич, автор объёмистого и очень сомнительного с точки зрения научной объективности “Краткого очерка об основании подольским князем Феодором Кориатовичем Мукачевского монастыря 1360 г.” (1799 - 1805 гг.), был “убеждён, что угро-русы приняли христианство и его греческое направление от братьев Кирилла и Мефодия в 867 году и что эта вера была господствующей в Венгрии вплоть до XIII в.” (Жаткович, 2001, с.139).

Более основательно к этому вопросу подошёл автор шеститомной “Истории карпатских русинов...” М.Лучкай (1839 - 1843 гг.) (настоящая

фамилия Поп). В целом не сказав ничего нового по сравнению со своими предшественниками, он без единого доказательства констатировал: “Нет ничего удивительного в том, что такая приятная новость (речь идёт о переводе Константином и Мефодием церковных книг на славянский язык), перейдя также через Гран (речка в Словакии), исполнила душевной радостью сердца других карпатских и тисянских славян и пустила настолько зрелые корни, что, за свидетельством Сирмая, уже во времена Мефодия не только приняли веру Христа, но и покорёнными своими сородичами под единым скипетром Святополка сменили обряд, а за свидетельством Папebroхия, радовались собственному епископу” (Лучкай, 1999, с.65).

Далее М.Поп-Лучкай подаёт свои аргументы весьма неубедительно: “Ибо если бы до прихода венгров карпато-тисчанские славяне не были христианами, пришлось бы доводить: когда и кто их крестил и ввёл у них греко-славянский обряд” (Лучкай, 1999, с.65). Оно то возможно и так, но доказать подобные предположения пока никому не удалось. В последующем, до начала прошлого века, в разработке данного вопроса местная историография “топталась на месте”. Поскольку “Краткий очерк...” Й.Базилевича был опубликован на латинском языке, которым духовная интеллигенция края владела далеко не вся, а “История карпатских русинов...” М.Лучкая более века оставалась в рукописи, взгляды церковных историков по этому (и не только) вопросу не имели значительного влияния.

Куда более весомую роль играла Ужгородская богословская семинария, будущие выпускники которой в своём большинстве становились священниками, неся, таким образом, “в народ” приобретённые в её стенах знания. Будущих поводырей народа профессор церковной истории и церковного права, каноник Капитула Мукачевской епархии, А.Балудянский (1807 - 1853 гг.) в контексте интересующего нас вопроса в середине XIX в. учил: “...Угры въ Поннонію пришедшія числомъ много менѣе были якъ тїи обывателїе, которыхъ они ту найшли, сирѣчь Славяне и Волохи, иже вѣрники обряда греческаго были всѣ” (Балудянский, 1851, с.203).

Его позицию в дальнейшем разделяли И.Дулишкович (1874 - 1877 гг.), В.Гаджега (1922 - 1931 гг.), В.Пронин (1957 г.), А.Пекар (1967, 1997 гг.), С.Пап (1983, 2001 гг.), Г.Тимкович (1996 г.), Ц.Васил (2000 г.), В.Бугел (2003 г.), В.Горнад (2004 г.). Эти утверждения стали официальной точкой зрения Мукачевской греко-католической епархии, отражённой в её Шематизмах от 1908 г. до сегодняшнего дня (2002 г.) (Шематизм, 2002, с.3).

Влияние кирилло-мефодиевской традиции в распространении христианства на Закарпатье настолько сильно, что даже папа римский Иоанн Павел II в своём Апостольском письме по случаю 350-летия Ужгородской унии счёл целесообразным заявить: “Если Ужгородская уния идёт следами решений Флорентийского Собора, то весьма резонно будет

рассматривать её также в контексте тесной духовной связи с миссией Славянских Апостолов, святых Кирилла и Мефодия, проповедничество которых распространилось от Великоморавских земель вплоть до Карпатских гор. Потому верные тех Церквей, которые берут своё начало от Ужгородской унии, весьма кстати считают себя наследниками кирилло-мефодиевского наследия” (Апостольский лист..., 1996, с.5).

И это при том, что не только не имеющие к данной церковной традиции непосредственное отношение светские историки высказывали свои убедительные доводы против попыток отождествления апостольской деятельности Кирилла и Мефодия в Паннонии и Моравии с христианизацией славян Верхнего Потисья до прихода в Тисо-Дунайскую низменность угров (Г.-И.Бидерман (1862 г.), А.Годинка (1899, 1909 гг.), А.Петров (1930 г.), Й.Ботлик (1997 г.), Й.Кобаль (1998 - 2002 гг.)), но и ряд церковных историков венгерского происхождения этой же традиции (Д.Пап (1940 г.), И.Тимко (1971 г.), И.Пиридьи (1990 г.)), имеющих прямое отношение к местной Гайдудорогской венгерской греко-католической епархии. Несмотря на то, что не только прямых, но и, пожалуй косвенных доказательств евангелизации славянских народов под Карпатами св. Кириллом и Мефодием до сих пор так и не нашлось, в Римской курии почему-то сочли иначе.

Подойти ближе к решению данной проблемы можно ответив на вопрос, в состав какого государства, вернее, в сферу влияния какого из соседних раннефеодальных образований до прихода угров могла входить территория современного Закарпатья. В связи с этим, мнения историков разделились между сторонниками Великой Моравии и Первого Болгарского царства (Котигорошко, 2008, с.304-349; Тиводар, 2003, с.22), её пребывания в составе Киевской Руси (Лелекач, 1949, с.28-38; Пеняк, Пеняк, 1997, с.42-44), или же полном отсутствии в этом регионе каких-либо государственно-политических образований в это время (Прохненко, 2010, с.411). В начале IX в., после падения некогда могущественного Аварского каганата, северо-западная часть Карпато-Дунайского ареала очевидно попала под власть князей Великой Моравии (790 - 910 гг.), о чём свидетельствует размещение всех 4-х городищ этого времени (Обишовце, Смижаны, Спишски Томашовцы, Шаришске Соколовце) в западной части региона, приближённой к Великоморавскому государству (Котигорошко, 2008, с.318; Прохненко, 2008, с.27), тогда как юго-восточная, при хан-царе Борисе-Михаиле I (852 - 889 гг.) и его преемнике Симеоне (893 - 927 гг.), возможно входила в состав Первого Болгарского царства (681 - 1018 гг.) (Котигорошко, 2008, с.349).

В поисках ответа на этот вопрос И.Прохненко счёл уместным напрочь отбросить киево-русскую принадлежность региона, усомниться в её

болгарском “причастии”, согласиться с великоморавским влиянием, но только в западной её части, а от себя категорически заявить, что после распада Аварского каганата данные археологических источников свидетельствуют о том, что в это время “Карпато-Дунайский ареал остался без властелина”. И далее, вслед за своим научным наставником, он повторяет, что южная часть при Борисе I вошла в состав Первого Болгарского царства, а северо-западная - попала под влияние князей Великой Моравии. “О принадлежности населения Верхнего Потисья к определённой государственно-политической организации никаких свидетельств нет, потому можно говорить о том, что основная территория региона накануне венгерского вторжения не входила в какое-либо государство, хотя и испытывала культурные влияния со стороны Болгарии и Великой Моравии”, - дипломатично констатирует И.Прохненко (2008, с.26-28). Что ж, этого нам пока вполне достаточно, чтобы иметь общее видение ещё безымянной в то время территории гипотетического распространения христианства.

Ещё в первой половине X в. при ханах (Круме, Омуртаге, Маламире и Пресиане, период с 803 до 852 гг.) Болгарское царство по византийскому образцу было разделено на пять крупных военно-административных и гражданских областей (темов), так называемые комитаты (более мелкие, по видимому, назывались жупы). Один из них-то и охватывал территорию от Карпат до Дуная, именуясь, таким образом, Дунайско-Тисским (Койчева, Кочев, 1991, с.55). В провинциальном управлении система комитатов была сохранена и при царе Симеоне. Во время продвижения венгров к Паннонии районы между Тисой и Дунаем управлялись, по данным венгерского хрониста начала XIII в., тремя болгарскими “болярами”, у которых были значительные имения. Салан владел территориями в области р.Тисы и Мароша, Глад - у р.Марош, а Менуморуд - между рр.Самош и Марош (Венедиктов, 1979, с.99).

О вхождении территории Верхнего Потисья в состав Болгарского царства, несмотря на недоверие к ней среди учёных, подробнее всех свидетельствует знаменитая венгерская средневековая хроника “Gesta Hungarorum”. Её полуанонимный автор “магистр Петер” при описании периода приобретения уграми второй родины (honfoglalás) сотни раз упоминает о каком-то загадочном вожде Салане, подданным которого был жупан, на местном языке именуемый “дука по имени Лаборц” (Панько, 1991, с.275-302; Данилюк, 1997, с.15-20, Сенько, 1998, с.16-21), находящийся в замке Гунг (совр. Ужгород). После взятия Гунга Алмош и его сын Арпад, названный в этом граде “вождем Гунгарии”, а его герои - “гунгарами”, до 903 г. захватили/купили/получили у болгар земли между Тисой и Дунаем. Вполне возможно, что Салан был “дунайско-тисским”

comes-ом болгарского царя Симеона, к которому он несколько раз обращался за помощью в борьбе против угров, что отчётливо читается из сильно заидеологизированного текста хроники (*Gesta Hungarorum*, 2005, с. 27-47).

В связи с вышеизложенным возникает правомерный вопрос, попадала ли эта часть Болгарского царства, расширяющаяся по Анониму с юга на север вплоть до Ужгородского и Земплинского городищ под миссионерскую территорию равноапостольных солунских братьев св. Кирилла и Мефодия, действовавших в соседней Великой Моравии и в Паннонии в 60 - 80-х гг. IX в., ведь их ученики попали в царство Бориса только после 886 г. (Койчева, Кочев, 1991, с.66).

Сторонники болгарского владения этим краем предполагают, что Болгария контролировала соляные копи Соливара в окраинах нынешнего Пряшева и Солотвина на Тисе и Мароше в Трансильвании, а для управления подвластными территориями болгары якобы использовали систему городищ, о чём свидетельствуют многочисленные славяно-болгарские топонимы в Потисье и Подунавье: Бел-град, Черн-град, Нов-град, Выше-град, Унг-град, Земплин-град и др. (Тиводар, 2003, с.22) Однако, “Такая историческая конструкция, - как справедливо замечает И.Прохненко, - имела бы шанс на существование, если бы Солотвинское городище было заселено в IX в. н.э., Земплинское в это время существовало как городище, а Ужгородское было бы достоверным памятником” (Прохненко, 2008, с.26). Что ж, вывод хоть и довольно суров, но заслуживающий внимания.

В качестве доказательства болгарского политического контроля в регионе нынешней Восточной Словакии (Пряшевщины) некоторыми учёными приводится надпись на надгробной плите князя Пресиана (996/997 - 1060/61 гг.), обнаруженной и исследованной в 50 - 70-х гг. прошлого века в словацких Михаловцах. Палеографический анализ памятника проведён В.Ткадлчиком в середине 1980-х гг. (Ткадлчїк, 1986, с.397-410).

Но как нам кажется это довольно шаткий аргумент: надгробная плита датируется намного более поздним временем, чем IX в. К тому же, ослеплённый в молодости (до 1030 г.) болгарский князь Пресиан, большую часть жизни скитавшийся вместе со своей матерью Марией, нашедший убежище в далёком от интриг византийского двора монастыре в горной части северных Карпат (современной Восточной Словакии), никогда серьёзно не претендовал на власть как в самой Болгарии, так и, тем более, за её пределами. Неприятным для него исключением, разве что могут служить те два эпизода, когда, сначала в 1026 г. его обвинили в заговоре против императора и отправили в изгнание на о.Плата, а потом, когда он связался с сестрой императрицы Зое Теодорой, чтобы вместе захватить власть в Византии, был сослан в Мануильский монастырь в

Константинополе и ослеплён, после чего в 1030 г. добровольно постригся в монахи (Ткадлчік, 1986, с.402-404).

Заслуживающим внимания аргументом в пользу скептиков великоморавского влияния “на историческое Закарпатье”, выступает весомое замечание греко-католического священника С.Папа. По его мнению, “Наилучшим доказательством того, что Закарпатье, а в нём и Пряшевщина, не принадлежали к Великоморавскому государству есть факт, что на Пряшевщине до сих пор и на протяжении всех веков остался восточный обряд и восточная Литургия. Это доказывает, что сюда не достигало ни влияние, ни власть Святополка, ни Вихинга, ибо в таком случае это всё было б ликвидированным так, как в Великоморавском государстве. А это очень важное доказательство” (Пап, 1983, с.103).

Значение данного утверждения сомнений не вызывает. В действительности, введённый там солунскими братьями литургический синкретизм просуществовал без малого двадцать лет, после чего его вытеснил лагинский обряд западного христианства. Сохранение же византийско-славянской обрядности (биритуализма) и литургического синкретизма на “историческом Закарпатье” служит прямым свидетельством того, что на момент прихода в Карпато-Дунайскую котловину угров эти земли не принадлежали Великой Моравии. Если б было так на самом деле, то уже с конца IX в. здесь господствовал бы католицизм с его “действительным” обрядом и не довелось бы впредь возвращать “схизматиков” в лоно “истинной” Католической Церкви в середине XVII в., когда заключалась в церкви Ужгородского замка уния.

Правда, подобные доводы ещё более убеждают нас в сомнительном влиянии миссии св. Константина (Кирилла) и Мефодия за пределами Великоморавского государства и Коцеловой Паннонии, а утверждающих обратное, среди которых, в т.ч. и упоминаемый С.Пап, делает всё более уязвимыми. А поскольку именно этот историк-любитель в начале 1980-х гг. наиболее полно раскрыл тему “крещения исторического Закарпатья” византийской миссией Константина (Кирилла) и Мефодия, сильно повлиявшей на современное состояние исторической науки в этом вопросе, считаем уместным вкратце проанализировать его “концепцию”.

Во-первых, исследование С.Папа о “Началах Христианства на Закарпатье. На основании новых научных исследований”, завершённое в 1978 г., появилось в 1983 г. с соизволения высших церковных властей УГКЦ в США, в частности Филадельфийского архиепископа-митрополита Стефана, как мне кажется, не случайно. Её появлению на свет предшествовала папская энциклика Иоанна Павла II от 31 декабря 1980 г. “*Egregiae virtus*”, в которой Римский архиерей обратил внимание на исключительно важное значение евангелизации, совершенное Кириллом

и Мефодием, в единстве как с Константинопольской Церковью, так и с Римским Престолом (Апостольский лист..., 1996, с.5-6).

Понтифик подчеркнул, что “ревная заботливость, которую проявили оба Брата... в сохранении единства веры и любви между Церквями, к коим они принадлежали, то есть между Константинопольской и Римской Церквями с одной стороны и Церквями, которые зарождались в славянских землях - с другой, была и навсегда останется их большой заслугой” (Апостольский лист..., 1996, с.6). Этой же энцикликой папа Иоанн Павел II причислил Кирилла и Мефодия к лику святых.

Во-вторых, опираясь на исследование греко-католического епископа Гайдудоргской епархии (Венгрия) И.Томки, где буквально написано, что “Наверное, на территории Венгрии существовало христианство и верующие, так как в аварских могилах VII - VIII вв. часто находили “византийские кресты” (Timkó, 1971, old.382), С.Пап пытается связать это сомнительное утверждение с миссионерством Константина и Мефодия посредством не менее сомнительной деятельности некоего св. Иоанна, упомянутого в чешской легенде от 1032 г., “русского хорватского происхождения”, проживающего некоторое время в нынешней Спишской Новой Веси и встречавшегося с чешским князем Борживоем незадолго до его смерти ок. 890 г., “а это на пятнадцать лет раньше, нежели пришли в Моравию Кирилл и Мефодий” (Пап, 2001, с.143).

В определении исторической хронологии автор явно допускает погрешности. Даже, если С.Пап ошибся и вместо “раньше” речь идёт о пятнадцати годах “позже”, то есть ок. 875 г., то тогда Константина (Кирилла) уже давно не было в живых (Пап, 1983, с.28). Но это не помешало украиноцентричному церковному исследователю безосновательно заявить, что “Так история сохранила имя первого закарпатоукраинского миссионера Иоанна”, “закарпатского миссионера чехов”, деятельность которого даёт основания считать, “что население Исторического Закарпатья знало христианство задолго до прихода Константина-Кирилла и Мефодия в Великую Моравию” (Пап, 2001, с.144).

В-третьих, перед тем как объявиться в Великой Моравии, солунские братья крестили Закарпатье, которое тогда было частью Болгарии, “оставили там священство и епископа”. Но кого? Сами себя! “Если говорим о Константине-Кирилле как епископе, считаем его первым епископом Исторического Закарпатья и основателем епископской кафедры на Историческом Закарпатье” (Пап, 2001, с.144). Далее С.Пап доходит до абсурда, придумав первых пять епископов, и даже архиепископов-митрополитов, “Исторического Закарпатья”, а именно: Константин-Кирилл, Атанасий, Михаил, Агатон и Горазд - “первый закарпатец” (Пап, 2001, с.33-77). Что ж, патриотом своей маленькой отчизны быть почётно,

но не до такого же безумия! Хотя в этом отношении С.Пап оказался не один.

Между этими фальшивыми, необоснованными пропагандистскими заявлениями, и первыми письменными упоминаниями о церковной материи у русинов и валахов, образующейся вокруг Мукачевского и Грушевского монастырей с конца XIV до конца XV вв., нет ни малейшей линейной связи. Более того, подобные утверждения не только бездоказательны, но вредны и опасны, ибо опираясь на них официальные церковные власти православных и греко-католической епархий в маленьком Закарпатье влияют на формирование современного общественного мнения в определённых церковных кругах и сообществах верующих, тогда как, это происходило на самом деле далеко не так.

В связи с этим, не исключено, что территория нынешней Закарпатской области на момент прихода в Карпатскую котловину угров действительно могла быть такой себе *terra nullis*, то есть “ничейной землёй”, находившейся между Первым Болгарским царством, северные границы которого достигали Тисы, но не распространялись за её северо-восточные пределы, и Великоморавского княжества, восточные границы которого почти доходили до верховья Ужа, но вряд ли достигали современного Ужгорода. Отсюда напрашивается вывод: христианизация Болгарии, Паннонии и Моравии, то есть государств, границы которых могли заканчиваться у подножья Карпат, лишь отдалённо и только косвенным образом могла иметь отзвук среди малочисленного, в основном славянского по своему этническому составу, населения Верхнего Потисья, но не во время миссионерской деятельности Константина и Мефодия, а значительно позже.

Так, к примеру, анализируя погребальный ритуал могильника кочевников X в. в с. Чома Береговского р-на ужгородские археологи обратили внимание на необычное положение рук погребённых (скрещённых на груди) в части могил. В этих погребениях отсутствует сопровождающий личный инвентарь покойника, исчезают проявления заупокойной трапезы, ритуала помещения в погребение останков лошади, меняется положение рук, то есть всё то, что было характерным для кочевников. Не исключено, что в данном случае имеет место проявление влияния христианства, официально принятого в Венгрии на рубеже X - XI вв., что и привело к постепенной смене погребального ритуала. Это свидетельствует о том, что хронология существования могильника может выходить за пределы X в.: содержимое данного погребения позволяет датировать его началом XI в. (Котигорошко, Прохненко, 2003, с.8,12). Говорить о подобном погребальном ритуале среди “крещённых” в следствии евангелизации упоминаемых византийских миссионеров славян на протяжении целого X, да наверное XI и XII вв. тоже, к сожалению не приходится.

Ещё одним доказательством сомнительности утверждений о “крещении Закарпатья” миссионерами из византийской миссии в Великой Моравии и в Паннонии (солунскими братьями или же их учениками), является немногочисленная информация об административно-церковной структуре великоморавского общества второй половины IX в. Так, заместители государя-князя - жупаны, проживающие в центре округов, вверенных им в управление, на территории Верхнего Потисья впервые упоминаются только в мадьярских письменных источниках с XI - XII вв., то есть тогда, когда на регион распространилась власть королевской Венгрии (Петровъ, 1930, с.1-88).

Также нельзя с уверенностью утверждать, что в Великой Моравии существовала система градов (городищ). Когда в 873 г. князь Святополк принял Мефодия, он передал ему в управление “все храмы и священников во всех городах” (Zitiije Mefodija, 1967, s.154.). Следовательно, церковная организация времён Святополка-Мефодия определённо опиралась на грады, а как нами было выяснено выше, несмотря на выдуманную историю гунгарского нотариа “магистра Петера” в начале XIII в., ни письменно, ни археологически загадочный Унг-град (ужгородское городище) в конце IX в. не прослеживается (Uličný, 1995, s.245-246.). Следует, правда, учесть и то, что не во всех градах найдены храмы, хотя известны также и храмы (например, в Модре и Садах), находившиеся за пределами градов (Тржештик, Достал, 1991, с.97). Однако, эти, в незначительных случаях исключения, не относятся к будущей территории “Закарпатья”.

В поисках ответа на вопрос о причастности византийской миссии к христианизации незначительного славянского населения Верхнего Потисья, исследователи также должны учитывать наличие погребений среди первых обращённых в христианство язычников, идентичных тем, которые имели место в Великой Моравии. Так, инвентарь погребений некрополей крупных городов (при всей проблематичности однозначного их толкования), оказывается сильно дифференцированным, а на деревенских кладбищах - более однороден. Это естественно объясняется более высокой социальной дифференциацией в великоморавских городских центрах. В целом, анализ ряда погребальных памятников позволяет определить церковные кладбища как некрополь привилегированных христианизированных слоёв, разбросанные бедные погребения, как погребения рабов и несвободных слуг, а воинские погребения южного предградья, как могилы дружинников правителя или свободных воинов из земского ополчения (Тржештик, Достал, 1991, с.98-99).

Ничего подобного археологами на территории Закарпатья не зафиксировано, а первые христианские кладбища славян, поддающиеся более-менее условной идентификации, относятся к середине XIII в., и

являются следствием абсолютно иных влияний (к примеру, русинской коллонизации) (Hodinka, 2000, old.28-33; Петровъ, 1930, с.1-88), не имеющих никакого прямого отношения к миссии солунских братьев.

По мнению чехословацких учёных (Р.Марсина), Великая Моравия, таким образом, состояла из двух первоначальных частей: первую составляло староморавское княжество в бассейне р.Моравы, включая наддунайскую часть современной Нижней Австрии и часть современной Словакии к западу от Малых Карпат, и вторую - Нитрянское княжество Прибины, охватывающее земли по нижнему и среднему течению Вага, Нитре и Грону. К началу 90-х гг. IX в. в состав Великой Моравии входила большая часть современной Словакии, средняя часть Потисья с центром в Бихаре, северная территория современной восточной Венгрии (от Южного Гонта до Южного Земплина) и северо-восточная часть Задунавья (Марсина, 1991, с.106). Не трудно заметить, что даже заинтересованными в представлении территории своего древнего государства как можно объёмнее чехословацкими учёными, территории Верхнего Потисья в ней не учитываются.

А между тем, дабы понять, что христианизация Великой Моравии и Паннонии Константином и Мефодием имела лишь косвенное отношение к немногочисленному, хоть и преобладающему славянскому населению земель Верхнего Потисья, следует отдельно остановиться на предистории и истории этой, донныне вызывающей дискуссии, миссии. Но это требует не поспешных заключений, как это имело место в основном до сегодняшнего дня, а тщательного и взвешенного исследования.

Ключові слова: Верхне Потисся, угро-руси, християнство, Костянтин (Кирило), Мефодій.

Ключевые слова: Верхнее Потисье, угро-русы, христианство, Константин (Кирилл), Мефодий.

Key-words: Upper Tisza Region, Hungarian Ruthenians, Christianity, Constantinus (Cyril), Methodius.

Фенич В.І. (м.Ужгород, Україна)

Верхнє Потисся між Моравією та Болгарським царством, або кого хрестили св. Костянтин (Кирило) та Мефодій на “Закарпатті”?

(Резюме)

У статті розглядається питання про можливу пряму або опосередковану христианізацію слов'янського населення Верхнього Потисся візантійськими місіонерами Костянтином (Кирилом) та Мефодієм, а

також їх учнями. З VI і до початку X ст. даний регіон, який знаходився на периферії Великої Моравії та Першого Болгарського царства, був слабозаселений і, в основному, представлений сільськими поселеннями без багатолюдних центрів-городищ. Він не був цікавим для євангелізації візантійськими місіонерами, незважаючи на твердження церковної історіографії починаючи з XVIII ст. А між тим, щоб зрозуміти, що християнізація Великої Моравії та Паннонії Костянтином і Мефодієм мала лише опосередковане відношення до нечисельного, хоча і переважаючого слов'янського населення земель Верхнього Потисся, необхідно провести ретельне, взважене дослідження.

Фенич В.И. (г.Ужгород, Украина)

Верхнее Потисье между Моравией и Болгарским царством, или кого крестили св. Константин (Кирилл) и Мефодий на “Закарпатье”?

(Резюме)

В статье рассматривается вопрос о возможной прямой или косвенной христианизации славянского населения Верхнего Потисья византийскими миссионерами Константином (Кириллом) и Мефодием, а также их учениками. С VI и до начала X в. данный регион, находящийся на периферии Великой Моравии и Первого Болгарского царства, был слабозаселённым, в основном представленным сельскими поселениями без каких-либо многолюдных центров-городищ. Он не представлял интереса для евангелизации византийскими миссионерами, несмотря на утверждения церковной историографии начиная с XVIII в. А между тем, чтобы понять, что христианизация Великой Моравии и Паннонии Константином и Мефодием имела лишь косвенное отношение к немногочисленному, хоть и преобладающему славянскому населению земель Верхнего Потисья, необходимо провести тщательное, взвешенное исследование.

Fenysh V.I. (Uzhgorod, Ukraine)

Upper Tisza Region in between of Moravia and Bulgarian Kingdom. Who has been baptized by Saints Constantinus (Cyril) and Methodius in “Zakarpattya”?

(Summary)

The article is devoted to the issue of possible direct or indirect Christianization of Upper Tisza region Slavic population by Byzantium missionaries Constantinus (Cyril) and Methodius as well as by their followers. This region, which was

located on the periphery of the Great Moravia and the First Bulgarian Kingdom, has been rarely populated from VI - beginning of X AD. It was mainly represented by rural population without populous centers - fortified settlements. Regardless of the arguments of the church historiography of XVIII century, it has not been interesting for evangelization by Byzantium missionaries. Nevertheless the issue of indirect influence of the Great Moravia and Pannonia Christianization by Constantinus and Methodius on rare but predominantly Slavic population of Upper Tisza lands requires thorough and pondered investigation.

Литература

Апостольський лист Римського Архiereя Івана Павла II з нагоди 350-річчя Ужгородської унії. - Città del Vaticano, 1996.

Балудянській А. Исторія Церковная Наваго Завѣта. - Вієнна, 1851.

Венедиков И. Военото и административно устройство на Бѣлгария през IX и X век. - София, 1979.

Гаджега В. Перва спроба исторіи мукачевскої епархіи // Науковий зборник Товариства "Просвіта" въ Ужгородѣ. - Ужгород, 1924. - С.1-27.

Данилюк Д.Д. Исторія Закарпаття в біографіях і портретах (з давніх часів до початку XX ст.). - Ужгород, 1997.

Жаткович Ю. Исторія історіографії угорських русинів // Мазурок О.С. Юрій Жаткович як історик та етнограф. - Ужгород, 2001.

Кобаль Й.В. Исторія Закарпаття: спроба деміфологізації. II // Екзиль. - Ужгород, 1998. - №2. - С.2-4.

Койчева Е., Кочев Н. Болгарское государство с середины VIII до конца IX в. // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI - XII вв.). - М., 1991. - С.51-69.

Косей Ю. До питання про першопчатки християнства на Закарпатті // Ужгородський уніі - 350 років. Матеріали міжнародних наукових конференцій (Ужгород, квітень 1996 р.). - Ужгород, 1997. - С.27-32.

Котигорошко В.Г. Верхне Потисся в давнину. 1 000 000 років тому - X сторіччя н.е. - Ужгород, 2008.

Котигорошко В.Г., Прохненко І.А. Нові дані про поховальні пам'ятки Закарпаття // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Історія. - Ужгород, 2003. - Вип. 9. - С.3-12.

Лелекач М.М. Про приналежність Закарпаття до Київської Русі в X - XI ст. // Наукові записки УжДУ. - Ужгород, 1949. - С.28-38.

Лучкай М.М. Исторія карпатських русинів: У шести томах. - Т. II. - Ужгород, 1999.

Марсина Р. Славяне и мадьяры в конце IX - X в. // Раннефеодальные

государства и народности (южные и западные славяне VI - XII вв.). - М., 1991. - С.106-116.

Монич О. Мараморошська святиня: нариси з історії Грушівського монастиря / Під заг. ред. Віктора Беда. - Ужгород, 2008.

Павло В. Християнські місії св. Кирила і Мефодія. - Пряшів, 2008.

Панько Ю. Історія одної легенди // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. - Пряшів, 1991. - Вип.17. - С.275-302.

Пап С. Початки християнства на Закарпатті. На основі нових наукових дослідів. - Філадельфія, 1983.

Пап С. Історія Закарпаття. У трьох томах. - Том I. - Івано-Франківськ, 2001.

Пеняк С.І., Пеняк П.С. Історія Закарпаття з найдавніших часів до приходу угорців у Карпатську улоговину: Навч. посібн. з краєзнавства. - Ужгород, 1997.

Перфецкий Е.Ю. Обзор угрорусской историографии // Вчені Росії про Закарпаття. Із карпагознавчої спадщини / Упорядк., підгот. текстів, передм. та примітки О.С. Мазурка та І.О. Мандрика. - Ужгород, 2009. - С.73-74 [Передрук. за вид.: Перфецкий Е.Ю. Обзор угрорусской историографии. - Петербург, 1914].

Петровъ А.Л. Древнѣйшія грамоты по исторіи карпаторусской церкви и іерархіи 1391-1498 г. Съ 12 фотографическими факсимиле. - Praga, 1930.

Поп И.И. Историография истории русин и Подкарпатской Руси // Славяноведение. - 2003. - № 1.

Пронин В. История Православной Церкви на Закарпатье. - Свято-Николаевский Мукачевский монастырь, 2005. - С.49-71.

Прохненко І.А. Давні угри у Верхньому Потиссі // Археологічні дослідження Львівського університету. - Львів, 2005. - Вип.8. - С.372-387.

Прохненко І.А. Боржавське городище // Сагратіса-Карпатика. Давня та середньовічна історія Карпато-Дунайського ареалу. - Ужгород, 2006. - Вип.34 - С.186-200.

Прохненко І.А. “Протистояння” чорних угрів і східних слов’ян у контексті історії Українських Карпат // Військово-історичний альманах. - К., 2007. - №2 (15). - С.30-44.

Прохненко І.А. Чорні угри та слов’яни Верхнього Потисся (до питання про конфлікти і мирні зв’язки) // Історичні студії. Збірник наукових праць з проблем давньої і середньовічної історії та етнології. - Ужгород, 2008. - Вип.2. - С.23-45.

Прохненко І.А. К вопросу о племенной атрибуции кочевнических древностей Верхнего Потисья X в. н.э. // Науковий і мистецький світ Федора Потушняка. Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 100-річчю від дня народження видатного українського письменника і

вченого (Ужгород, 15-16 квітня 2010 р.). - Ужгород, 2010. - С.410-420.

Сенько І. Ще раз про Лаборця // Сенько Іван. Земля з іменем: Краєзнавчі студії. - Ужгород, 1998. - С.16-21.

Тиводар М.П. Етнокультурні процеси та особливості етнічної історії Закарпаття в I тисячолітті нашої ери // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Історія. - Ужгород, 2003. - Вип.9. - С.13-25.

Ткадлчік В. Кирилівський напис в Михалівцях // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. - Пряшів, 1986. - Вип.14. - С.397-410.

Тыпкова-Займова В. Структура Болгарского государства (конец IX - начало XI в.) и проблема гегемонии на Балканах // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI - XII вв.). - М., 1991. - С.137-150.

Тржештик Д., Достал Б. Великая Моравия и зарождение Чешского государства // Раннефеодальные государства и народности. - М., 1991. - С.69-87.

Шемагизм. Список священників і громад епархії станом на 1 січня 2002 року / Упоряд. о. Юрій Сабов. - Ужгород, 2002.

Gesta Hungarorum. Літопис Анонімуса про діяння угорців під час пошуків і віднайдення Батьківщини / Пер. з лат. та угор. Каміла Найпавера. - Ужгород, 2005.

Historica ac iuridica notitia de ucrainis in Hungaria et de existentia Eparchiae Mukačoviensis // De processibus canonicis ecclesiae catholicae Ucrainorum in Transcarpathia ab 1771 usque 1853 / Collegit: Dr. Alexander Baran. - Romae, 1973.

Hodinka A. Утцюзнина, газдуство и прошлостъ южнокарпатськихъ русинувъ = A kárpátaljai rutének lakóhelye, gazdaságuk és múltjuk c.műve (Budapest, 1923) ruszin nyelvű változatának hasonmás kiadása / A művet kiadásra előkészítette, utószót írta: Udvari István - Nyíregyháza, 2000.

Hornad V. Dejiny gréckokatolíkov Podkarpatska (9.-18. storočie). - Košice, 2004.

Timkó I. Keleti kereszténység, keleti egyházak. - Budapest, 1971.

Timkovič Gorazd A., OSBM. Sv. Cyril (+869) bol katánskym episkopom // Krásnobrodský zborník. - Prešov, 1996. - I (1-2). - S.53-90.

Timkovič Gorazd A. Sv. Cyril a Metod priniesli a šírili na Veľkej Morave byzantskú liturgiu sv. Jána Zlatoústeho // Krásnobrodský zborník. - Prešov, 1996. - I (1-2). - S.91-135.

Uličný F. Dejiny osídlenia Užskej župy. - Prešov, 1995.

Zitije Mefodija // Magnae Moraviae Fontes Historici. Opera universitatis Purkynianae Brunensis facultas philosophica. - Vol.5. - Praha-Brno, 1966-1977. - Vol.2: Textus biographici, hagiographici, liturgici. - Brno, 1967.